

Козаков вернулся. Помните, как пелось в фильме с его участием «Человек-амфибия»: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал...» Действительно, долго, четыре с половиной года. Но, вопреки дальнейшему тексту песни, Козаков здесь не позабыли. Его возвращение уже ознаменовалось событием в театральном мире столицы. В апреле на сцене Московского драматического театра имени А. С. Пушкина прошли две премьеры «Антрепризы Михаила Козакова» — «Возможная встреча» Пауля Барца (перевод В. Колязина) и «Невероятный сеанс» Нозла Каурда (перевод М. Мишина). А недавно — 11 мая — в Политехе состоялся сольный вечер Козакова «О Бродском», прошедший при полном зале и несомненном успехе.

Обе театральные вещи очень личные (впрочем, как и вечер в Политехе). Отчасти в плане чисто житейской ситуации («Невероятный сеанс»).

«Надо хотя бы немного знать мою путаную личную жизнь», — сказал мне по телефону Михаил Михайлович,

— чтобы понять, почему именно я обратился к комедии Каурда...».

А в «Возможной встрече», где Михаил Козаков играет роль композитора Генделя, а Евгений Стеблов — Баха, важно не сходство с биографией ситуации, представленной на сцене, а подход к ней, который проявляется в диалогах героев — композиторов Баха и Генделя. Иногда кажется, что актеры, скрываясь под маской, говорят не от имени своих персонажей, а от собственного лица. Хотя, кто из них в жизни Бах, а кто Гендель — это еще вопрос.

Я посмотрела оба спектакля. Сидела на одном из приставных рядов. Аншлаги. Успех. Аплодисменты. Цветы. А через пару дней ехала на встречу с Козаковым, чтобы поговорить о спектаклях. Но обычного интервью, типа игры в пинг-понг (вопрос — ответ), не произошло.

Разговор уходил далеко от задуманного предмета — о спектаклях. Но в какой-то момент я поняла, что все слова, сказанные Козаковым, нисколько не посторонни тому, что было им поставлено и сыграно на сцене Театра им. А. С. Пушкина.

Михаил КОЗАКОВ:

Меня не интересует мнение евнухов о любви

Искусство необходимо людям, чтобы они не скотели

Трагедия и фарс

— Забавная вещь — чудак из газеты, назовем этот орган к примеру «Мутантный сексапиль», написали о пьесе Нозла Каурда как о «развлекухе». Забавно. Потому что они делают «фи» комедии Каурда (отметив, правда, что мы ее «мастерски разыграли»), не понимая сути самой пьесы. Их взгляд на предмет рождает такую ассоциацию. Представьте себе ангар постмодерна, где все пьют, колотятся, занимаются свальным грехом, и при этом у них на стене висит стыдливая табличка с надписью «У нас не курят». И дело не в том, что Каурд всемирно известный комедиограф, к тому же удостоенный в Англии звания сэра, а они — образованцы, а в отсутствии умения анализировать увиденное и, как говорил Пушкин, «судить художника по законам, им самим над собой поставленным».

Не далее как сегодня утром я перечитал письма и воспоминания Эрнестины Тютчевой, Федора Ивановича Тютчева и Елены Денисьевой. Общеизвестно, что этот треугольник, один из самых трагических, по счастью для нас, через замечательные стихи Тютчева стал фактом Искусства. Жанр? Трагедия. Но ведь на эту же ситуацию можно посмотреть как на фарс, потому что часто трагедии оборачиваются фарсом.

Я буквально плакал, перечитывая письма Эрнестины, Тютчева, Денисьевой, и снова вспомнились гениальные стихи Федора Ивановича. А потом неожиданно подумал, что «Невероятный сеанс» Каурда выбран мной не случайно, потому что треугольник (муж и две жены), мы разыгрываем в жанре веселой легкомысленной комедии для серьезных людей. И один подход к проблеме совсем не исключает другого. Когда-то я снял телевизионный фильм о Тютчеве, а теперь поставил фарс Каурда,

продолжая читать стихи Тютчева на эстраде.

И на свою собственную жизнь можно смотреть по-разному. Мы часто драматизируем, и говорим о себе: «Это трагедия!» А со стороны все может смотреться как фарс...

Иногда кажется, что молодые журналисты объявили негласную войну предыдущему поколению, считая его поколением конформистов. Но дело-то в том, что поколения делятся не по горизонтали, а по вертикали: за каждым уном идет умный. А за человеком легкомысленным, образованцем идут такие же. Впрочем, такого рода журналистов можно понять, ведь «цыпленки тоже хотят жить».

О слонах и москях

Так вот этим «цыпленкам», чтобы жить, надо во что бы то ни стало выделиться, написать что-то такое сенсационное, «клубничное», по принципу «Ай, Москва!». К сожалению, можно привести массу подобных примеров. Произошел некий разрыв в поколениях. Даже конфронтация. По чьей вине? — вопрос сложный, но этот факт приходится признавать.

Иосиф Бродский, сделавший революцию в изящной словесности, тем не менее был корнево связан с Кантемиром, Державиным, Баратынским, не говоря уж о Цветаевой, Мандельштаме или Маяковском. Людьми нашего поколения было свойственно достаточно вдумчивое отношение к тому, что делалось «стариками» в наши дни.

Когда только создавался тот же «Современник» или «Таганка», мы в первую очередь огля-

дывались назад и вокруг. Да, мы полемизировали, но мы, безусловно, принимали на вооружение лучшее. И прежде всего — умение воспринимать и вдумываться, свойственное тем же «старикам», живущим рядом с нами. Бродский однажды сказал: «У Ахматовой нельзя было научиться писать стихи, но научиться, как жить и в каком направлении мыслить — можно». Почему сейчас произошел разрыв, конфронтация? Можно, конечно, все свалить на большевиков, на исторический процесс...

Действительно, так много лет выплывали генофонд! И не только большевики. Судя по всему, давно дело обстоит не так уж благополучно. Мне вспоминается фраза из тютчевского «Исторического трактата»: «Русская история до Петра Великого — панихида, а после Петра — одно уголовное дело». «Уголовники» относительно недавнего прошлого, а потом «спасены» — Ленин, Сталин и иже с ними — выплывали генофонд.

И естественно, что потом на свет появились мутанты, полагающие, что они имеют право писать о чем угодно. И тогда у меня возникает ответ: «Меня не интересует мнение евнухов о любви».

Можно ведь камня на камне не оставить от любого спектак-

ля, в том числе и от моего. Но надо уметь грамотно это делать.

Хотя и мы сами порой даем повод для иронического к нам отношения. На днях я смотрел «Нику» по телевизору. Я уж не говорю о том, что, когда нет кинематографа, странно изображать праздники на манер «Оскара». А то, что его, кинематографа, нет или почти нет — это наша общая трагедия.

Сейчас о другом. Слова «великий» и «гениальный» на церемонии «Ника» не были сказаны разве что в адрес гардеробицы, хотя она-то могла оказаться по своему великой и гениальной. Что за этим? Дружба? Любовь? Актерское братство? Если вдуматься — неуважение, проявляемое в такой вот велеерчивой форме. Неуважение к делу, которым мы занимаемся, к ремеслу. Вот что меня тревожит.

Мне, например, очень нравится фильм «Кавказский пленник», я его посмотрел в кинотеатре «Аврора» в Петербурге, получил удовольствие, и рад, что этот фильм был отмечен. Но в целом «Ника» произвела на меня впечатление спектакля.

Роли академиков исполняют имяреки. Как бы нам всем не заиграться. Фестиваль, театральные смотрины — вещь сама по себе хорошая, но верно заметил Сергей Бодров: «Мы не спортсмены». А тем паче — не судьи,

чтобы выставлять друг другу оценки и давать призы. Например, я не приму участие в театральном конкурсе. И не потому что боюсь не получить приз.

На «Театральной маске» дали премию Омскому театру. Хорошо, не забыли российскую глубинку. Но ведь практически никто не видел этого спектакля.

Когда-то в Москву Роберт Стурга привез «Кавказский меловой круг» и «Ричарда III», — столица вздрогнула, это был подлинный триумф.

А в данном случае с Омским театром получились «кот в мешке». Хотя, может быть, этот спектакль действительно замечательный.

Советская власть тоже давала премии. И все было понятно — кому за что дали и кому за что не дали. Были понятны правила игры — идеологизированное государство. И мы радовались, когда вполне заслуженные люди получали вполне заслуженные награды — Галина Сергеевна Уланова, Святослав Теофилович Рихтер... И тут же, скажем, давали премию поэту Егору Исаеву. Сомневаюсь, что нынешняя молодежь знает этого поэта, тем более вряд ли кто-то читает его наизусть. Однако тогда были понятны правила игры. Это был своего рода фарс. Государство играло в разные игры с творческой интеллигенцией. А сегодня мы, может быть, сами того не желая, творим фарс. И принимать в этом участие много постыднее.

«Чины людьми даются, а люди могут обмануться». Этот вопрос каждый решает для себя индивидуально — где ему выдвигаться, от чего отказываться. И иногда отказаться важнее. Отказ — это поступок.

Другое дело, успех у зала. У за-ла! Для меня всегда были важны три понятия: первое — успех у зала, второе — мнение некоторых людей, в том числе и критиков, третье — самооценка, которая вырабатывается постепенно. Почему постепенно? Да потому что сначала должна быть энергия заблуждения, как говорил Толстой, потом ты можешь признаться себе, что заблуждался. Без этой энергии заблуждения ни писать, ни ставить, ни играть невозможно. Словом, — доволен ты собой, зыскаательный художник? Сделаем при этом ударение на слове «зыскаательный».

В гениальной деревне

Отменили цензуру — замечательно, но при этом отменили и такой институт, как редакторство. Наступило время вседозволенности на сцене, экране, в печатном слове. Добавим к этому криминальность, мышление. И все это губит Язык — дар Божий. Вообще наличие языка — это одно из самых мощных доказательств Божества. Ведь Язык мы получаем в дар. А Даритель всегда больше Дара.

Извините за «высокий стиль», но на самом деле только на этом уровне интересно размышлять и вести разговор об искусстве. Козинцев сказал: «Зачем искусство? А чтобы не скотели!» Чтоб не скотели!

Мне не скучно жить, потому что каждый день я узнаю что-то новое. «Нику» так, для развлечения, посмотрел, сидя дома в тапочках, — на смокинги. А потом взял и перечитал того же Тютчева. Ведь «нет ничего интересней, чем следить за мыслью великого человека». Как сказал Пушкин.

Читая, слушая музыку... Столько книг непрочитанных, Боже, как жизнь человеческая коротка! Вот сейчас бы и начать читать, слушать, смотреть.

Жить интересно. Вот сегодня вечером я пойду в театр, погляжу, скажем, как прекрасный молодой актер Сергей Безруков сыграл Есенина. Интересно еще и потому, что Есенин был

друзен с «дядей Толем Мариенгофом», соавтором моего отца, и потому что Есенин бывал у нас в доме, он дружил с моей бабушкой Зоей Дмитриевной и моей мамой. Так что я знаю всю эту историю с Дункан из вторых, родных, уст.

И смешного в жизни тоже хватает. Очень я позабылся на днях, вычитав, к примеру, в газетах, что после всех шумных скандалов Зураба Церетели избрали председателем Академии художеств. Как пишут, он пообещал помочь художникам, — и добьется этого! — вот они его и избрали. И его Петр, до которого «была панихида, а после — сплошное уголовное дело», будет тут у нас на Москве-реке стоять. А что?

Если б такая шпукovina была возведена в Петербурге, то, наверное, сие было бы невыносимо. Но там, слава Богу, «скачет» Всадник работы Фальконе, а шемиякинский монстр сидит внутри Петропавловской крепости. Петербург — город классицизма, а Москва — гениальная деревня. Гениальная! — подчеркиваю. Я ее очень люблю. Люблю эти два города по-разному. У меня сердце разрывается между Питером и Москвой. И поэтому «Великий Петруха», который, как известно, ненавидел Москву (на самом деле — он же отсюда сбежал, он терпеть ее не мог), как бы сказал: «Я к вам еще явлюсь в очень интересном виде». И вот явился. А раз явился — пускай себе стоит.

Памятники сносить, по моему, не стоит. Я бы и памятник Дзержинскому оставил. И Сталину, и Ленину, хотя их я не играл. Пусть напоминают о реках крови. И все лучшее тоже пусть вспомнится. Ведь было же и такое. Это история. Уничтожать, сносить, разрушать — психология манкуртов. Сначала церкви взрывали, гербы двуглавые уничтожали, а потом, в праведной борьбе с большевизмом, стали уничтожать и новейшую историю. Зачем?! Позиция временщиков. Впрочем, я уже писал об этом в своей «Актерской книге».

А что говорить о спектаклях... С Божьей помощью играть их будем.

Сейчас ставлю две пьесы в рамках своей «Антрепризы» — комедию Альдо Бенедетти «Сублимация любви» и в государственном театре комедию того же Нозла Каурда «Цветок смеющийся...».

Еще снял «пилот» своей телевизионной программы «13 минут о...». Мы сговорились с литератором Мариной Кудимовой, и она сочинила для меня маленькие литературные клипы, состоящие из исторического анекдота, стихов, воспоминаний. Тринадцать минут мы будем говорить о страхах человеческих. Все будет происходить как бы под «крылом» Пушкина. Пушкин для меня вообще Религия. «Пилотный» клип режиссер Владимир Македонский уже смонтировал, теперь все зависит от того, как примут это на телевидении.

А с коллегами из компании «Три Т» Никиты Михалкова делаем попытку сочинить телевизионный сериал на основе моей «Актерской книги» с привлечением кинодокументов, фотографий, музыки и прочего. Хочу рассказать о замечательных людях и разных временах, в которых мне довелось жить.

Это должно быть что-то в стиле устных рассказов Ираклия Андроникова. С привлечением, как я уже сказал, разнообразных документов. И, конечно, там будут стихи, монологи из спектаклей, музыка. Так что хватило бы сил. Я удивляюсь людям, которые говорят, что им скучно жить.

● Записала
Ольга СЕРГЕЕВА

Козаков Михаил Михайлович

45-20.05.97.